

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ

20—22 июня 2013

Россия в глобальной повестке

ПРЕОДОЛЕНИЕ ТУРБУЛЕНТНОСТИ НА КРИЗИСНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

Круглый стол

21 июня 2013

11:45—13:00, Павильон 5, Зал 5.1

Санкт-Петербург, Россия

2013

Модератор:

Кристофер Гранвиль, Управляющий директор, Trusted Sources

Выступающие:

Рамазан Абдулатипов, Временно исполняющий обязанности Президента Республики Дагестан

Мохамед Каббадж, Министр финансов Марокко (1995—1997 гг.)

Жиль Кепель, Профессор, Институт политических наук

Мона Макрам-Эбейд, Сенатор, Египет; Профессор, Американский университет Каира

Тон Ну Ти Нинь, Президент, Институт международного образования и обмена Tri Viet (Университет Ton Duc Thang)

Леолука Орландо, Мэр г. Палермо

Фуад Синьора, Премьер-министр Ливана (2005—2008 гг.)

К. Гранвиль:

Дамы и господа, доброе утро! Добро пожаловать на нашу сессию, которая посвящена одной из фундаментальных и самых трудноразрешимых проблем сегодняшнего мира, а возможно, и всей мировой истории — напряженности, конфликтам и насилию, которые поражают множество стран и регионов в мире. Эти конфликты принимают различные формы: гражданские, сектантские, межэтнические, межрелигиозные; порой конфликты перетекают в соседние страны и регионы, разжигают террористическую деятельность. Большинство случаев, которые мы сегодня будем обсуждать, обдумывать, по которым будем делиться соображениями на нашем заседании, представляют собой сочетание этих элементов.

Лишь очень немногие уголки мира избежали подобных бедствий. Моя страна, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, разумеется, не входит в их число: она стала ареной хронического конфликта между враждующими религиозными группировками, насилие разгорелось с новой силой в течение последних недель, несмотря на огромный прогресс на пути к примирению.

Эти конфликты не обошли стороной и Российскую Федерацию — страну, принимающую нас сегодня, страну, с которой я связан профессиональными узами уже 23 года. Особенно сильно пострадал один регион России — Северный Кавказ; на нашем сегодняшнем заседании его представляет временно исполняющий обязанности президента Республики Дагестан Рамазан Абдулатипов, выступление которого мы услышим через несколько минут.

Однако подобные хронические проблемы в последние десятилетия особенно сильно терзают Ближний Восток. Сегодня у нас представлены выдающиеся политические деятели, правительственные чины и глубоко осведомленные специалисты со всего арабского мира, с запада до востока, от Ливана и Египта до Марокко. Наш диапазон, дамы и господа, еще шире — до Юго-Восточной Азии, Вьетнама: именно война и конфликт в этой стране стали для многих

поколений первым представлением о конфликте, вехой в познании мира на пути взросления.

Далее, ближе к дому: мы говорим о Сицилии, европейском регионе, который хронически страдает от уголовных беспорядков.

Я представлю всех выступающих, начиная от моего соседа слева и далее в том порядке, в каком они сидят перед вами. Время — одна из главных трудностей при обсуждении подобных глубоких, фундаментальных проблем. Официально у нас есть немногим больше 70 минут. Я твердо рассчитываю, что наше обсуждение вызовет глубокий интерес, мы можем взять на себя смелость на несколько минут отложить обед: вдруг у нас разгорится аппетит для дальнейших обсуждений? Это потребует большой самодисциплины от всех выступающих, я попросил их сократить каждое введение до нескольких минут. Это очень трудно: наши докладчики во многих случаях приехали издалека, чтобы выступить перед нами. Однако я считаю, что это лучший способ достичь нашей цели.

Дамы и господа, наша цель — консолидироваться и извлечь уроки из опыта улаживания конфликтов. Уроки успеха: какие подходы привели к успеху? Уроки неудач: каких ловушек следует избегать? Особенно следует задуматься об отношении к известным способам улаживания конфликтов в бизнесе, инвестициях и экономике, поскольку именно эта тема подходит для обсуждения на Экономическом форуме в Санкт-Петербурге.

Итак, перейдем прямо к делу. Я начну с вопроса первому основному докладчику, сидящему слева от меня. Господин Фуад Синьора, в прошлом — министр финансов, а затем — премьер-министр Ливана, страны, которую (не мне вам об этом говорить) терзают постоянные конфликты и напряженность. Он поделится с нами своим опытом по применению мер, которые способствовали разрешению конфликта и восстановлению экономики. Спасибо.

Ф. Синьора:

Спасибо, господин Гранвиль.

Дамы и господа, будучи и министром финансов, и премьер-министром, я имел дело со всеми тремя элементами кризиса, конфликтов и войн, которые были упомянуты во вступительном слове: это и гражданские конфликты, и войны, спровоцированные внешними силами, и деятельность террористов.

В 1992 году я был министром финансов, мне пришлось курировать осуществление достаточно смелой программы реконструкции и стабилизации, которую выдвинул покойный премьер-министр Рафик Харири сразу после пятнадцатилетней гражданской войны, относившейся к категории гражданских конфликтов.

По моему мнению, мы достигли двух важнейших целей этой программы. Первой стала реабилитация ливанской инфраструктуры по всей стране, в частности — реконструкция центрального района Бейрута, где по большей части происходили военные действия. Вторым достижением была реабилитация ливанского среднего класса посредством укрепления частного сектора и благодаря мерам фискальной и монетарной политики, которые стабилизировали валютный курс, положили конец периоду гиперинфляции и спекуляции, сделали налоговую систему более справедливой.

Я подчеркиваю именно эти два достижения, поскольку данная разновидность экономических инициатив не только способствует улаживанию конфликтов, но и предотвращает их повторение.

Позднее в качестве премьер-министра я имел дело с масштабными разрушениями, вызванными Июльской войной Израиля с Ливаном в 2006 году. Был необходим подлинно творческий, нестандартный подход к реконструкции, реформам и реабилитации, который позволил всем источникам финансирования участвовать в восстановлении экономики и прямо, и косвенно — именно так, как они считали целесообразным, как диктовали их собственные стандарты и правила. Мы сумели добиться стремительного восстановления. Скорость восстановления получила одобрение международного сообщества, и ООН сочла ее образцом для подражания.

После зафиксированного в 2006 году темпа роста менее 1% настал период стремительного подъема экономики, продлившийся четыре года, в результате чего реальный экономический рост с 2007 года по 2010 год составлял 8,5% ежегодно; к этому надо присовокупить профицит в платежном балансе и профицит первичного сальдо.

Третий опыт, которым я хотел бы с вами поделиться, тоже относится к тому времени, когда я был премьер-министром. Это реакция ливанского правительства на террористические акты группировки Фатх аль-Ислам против вооруженных сил Ливана и попытку террористов укрыться в палестинском лагере Нахр эль-Барид. Правительство преодолело трудности, с которыми оно столкнулось, и нашло возможность объединить враждующие ливанские группировки вокруг государственной власти и армии. Мы перезапустили Венскую конференцию спонсоров восстановления и сумели мобилизовать международное сообщество. Мы сумели погасить удар и в очередной раз стали придерживаться дискурса и проводить политику, которые и привели к экономическому росту, как я уже сказал, более чем в 8,5%, несмотря на события в лагере Нахр эль-Барид и сильную политическую разобщенность страны.

Все ответы на кризисы и конфликты, которые я только что перечислил, обладали общими чертами, которые в итоге привели к успеху. Во-первых, правительство в то время всегда рассуждало нестандартно, по-новому. Во-вторых, ясно ощущались цели и направления, это привело к тому, что трудности превратились в перспективы. В-третьих, правительство весьма решительно претворяло в жизнь программы реформ и строительства. В-четвертых, целевое послание обеспечило согласие между разными частями ливанского общества, а правительство способствовало тому, что люди перехватили инициативу реформ, ощутили свою причастность к ним. В-пятых, правительство привлекло спонсоров, дав им ощущение подлинного контроля над ситуацией и ответственность за осуществляемую нами программу. Эти

элементы укрепили уверенность в государстве и его руководстве и, как я уже упомянул, были преобразованы в хорошие экономические результаты.

Все это старые истории успеха. Разумеется, остаются некоторые внешние факторы: продолжающаяся израильская оккупация и вмешательство в ливанские дела двух стран, Ирана и Сирии, которые представляют собой серьезные препятствия уровням безопасности и власти закона, по-прежнему недостаточным. Присутствие вооруженной группировки, связанной с зарубежными силами, компрометирует силу и авторитет центральной власти, подрывает суверенитет государства.

Куда Ливан движется в настоящее время? В ближайшем будущем главная проблема для нас — укрепление и усиление авторитета ливанского государства и его способности обеспечивать закон и порядок на всей территории. Это насущный вопрос для нашей страны: не решив его, мы не сможем возобновить рост и подготовиться к грядущим трудностям. Без этого будет очень трудно генерировать экономическое развитие, которое способствует укреплению экономики, а без укрепления экономики нам не добиться необходимого устойчивого роста, результаты которого были бы справедливо распределены между всеми гражданами.

Чтобы закончить мое краткое выступление на оптимистической ноте, скажу, что восстановление и обустройство Сирии, где война, надеюсь, скоро закончится, обеспечит ливанским компаниям и профессионалам, банкам и частному сектору широкий спектр возможностей активного участия в этом благородном деле, ведь за последние десятилетия у нас накоплен обширный опыт восстановления Ливана. Эта благородная цель в ближайшие десятилетия может стать миссией Ливана, укрепит стабильность, способствует экономическому развитию и, надеюсь, предупредит конфликты и в Ливане, и в Сирии. Спасибо.

К. Гранвиль:

Большое спасибо Вам, не только за увлекательный и познавательный рассказ о вашей стране, о Ливане, но и за то, что вы так замечательно очертили круг тем, вариации на которые мы и будем слышать применительно к другим странам, откуда прибыли участники нашей дискуссии.

В частности, я хотел бы сделать акцент на том, как трудности превращаются в перспективы, в том числе экономические, о чем вы только что упомянули, и на том, что невозможно преодолеть политические и социальные разногласия волшебным образом. Необходимо дать людям возможность почувствовать, что они причастны к достижению цели — экономического развития. Только тогда глубинные разногласия можно смягчить и в некотором смысле выйти за пределы противоречий.

Теперь давайте перейдем к разбору следующего случая — не менее драматичного, не менее исторически значимого. Сицилийская мафия — тема, которая будоражит воображение людей во всем мире. Говорить о ней будет четырежды избранный мэр Палермо, знаменитый активист борьбы против мафии Леолука Орландо — тоже старинный друг Санкт-Петербурга, насколько я слышал, лауреат Царскосельской премии, которая вручается в этом городе. Господин Орландо.

Л. Орландо:

Спасибо за добрые слова. Я постараюсь поблагодарить за внимание к моей стране, к моему опыту, и думаю, что меня пригласили рассказывать отнюдь не о сицилийской музыке: уверен, от меня ждут рассказа о сицилийской мафии! Жду того дня, когда меня пригласят рассказать о чудесной сицилийской музыке, но сегодня я буду говорить о мафии.

Прежде всего, хочу сказать, что раньше Палермо считался всемирной столицей мафии. Теперь Палермо стал всемирной столицей борьбы с мафией — это пример того, что перемены возможны. Сицилийская народная мудрость гласит: «Кто рожден круглым, тот не умрет квадратным». Ничего подобного. Рожденный круглым может умереть квадратным. Измениться всегда можно, и

я попытаюсь рассказать вам историю перемен. Это будет история: как вы знаете, обычно мы общаемся с помощью слов, однако все слова одинаковы. Все слова прекрасны, но они мертвы, в них нет жизни. Любовь, ненависть — позвольте сказать вам, что с музыкальной точки зрения ненависть лучше любви. Я попробую рассказать вам историю ненависти. Если я расскажу историю любви, все поймут, что любовь лучше ненависти, потому-то я и расскажу вам историю сицилийской мафии и на примере мафии покажу, как можно изменить человеческое сознание.

Что же такое мафия? Мафия — это двойное нарушение: это нарушение власти и нарушение идентичности. В то же время мафия — это разновидность нарушения власти. Нам знакомы несколько типов нарушения власти в мире. Прежде всего, это коррупция. Что такое коррупция? Коррупция — это нарушение власти. Отсутствие демократии — это нарушение власти. Недостаток свободы — это тоже нарушение власти. Так что примеров нарушений власти во всем мире много.

Однако мафия — это не только нарушение власти, это еще и нарушение идентичности. Сицилийская мафия исказила сицилийскую идентичность. Сицилийская мафия убила идентичность. У нас, сицилийцев, четыре главные ценности: честь, семья, дружба и Бог, католическая вера. Мафия убивала во имя чести. Мафия убивала во имя семьи. Мафия убивала во имя дружбы. Мафия убивала во имя Бога. Мафия убивала дважды — она убивала как человека, так и нашу идентичность, нашу культуру.

Так что мафия — это сочетание нарушения власти и нарушения идентичности, потому что мафия — это преступность, основанная на идентичности. Между мафией и нормальной преступностью (прошу прощения за слово «нормальный») лежит пропасть. Нормальная преступность направлена против государства и за пределы государства, против банков и за пределы банков, против церкви и за пределы церкви, против гражданского общества и за пределы гражданского общества. Это нормальная преступность.

Мафия — это другое, намного хуже. Мафия направлена против государства и вглубь его, против банков и вглубь их, против церкви и вглубь ее, против гражданского общества и вглубь его. Мафии нужно быть внутри, если мафия снаружи, она превращается в нормальную преступность.

Сколько ни продлится история человечества, одолеть преступность мы никогда не сможем, зато можем попытаться вывести преступников за пределы государства, за пределы банков, за пределы церкви, за пределы гражданского общества. Только ли о сицилийской мафии я говорю? Нет, я говорю о множестве разновидностей мафии, потому что мафии без прилагательного не существует. Мафии как таковой не существует. На Сицилии мафия сицилийская, в России — русская, в Китае — китайская. Мафии надо маскироваться под тех, кто живет в ее стране, потому что мафия в глубине, а не снаружи. Сицилийской мафии нужно иметь сицилийское лицо, российской мафии — русское, китайской мафии — китайское лицо. Я говорю не только о преступниках, которых называют мафией, я говорю обо всех разнообразных нарушениях власти и идентичности.

Я люблю Германию. Немецкий язык для меня второй родной, первый — сицилийский диалект, третий, наверное, — итальянский, мне трудно определиться. Надо спросить в школе, где я учился. Я люблю Германию, я учился в Германии. У немцев есть одна важная ценность — законопослушность, немцы уважают закон. Что сделал национал-социализм? Он разрешил немецкому народу уважать закон — все законы, даже законы против евреев. Кто был главным врагом немецкой культуры? Главным врагом немецкой культуры был Адольф Гитлер. Он говорил, что хочет защитить идентичность немецкого народа. Любая культура подвержена риску преступности, опирающейся на идентичность.

Позвольте мне с великим уважением упомянуть о мусульманской культуре. Позвольте мне сказать, как сильно я уважаю Аллаха, Пророка, Коран. Мусульманские террористы в точности как мафиози. Они убивают во имя Аллаха. Они убивают во имя Пророка. Они убивают во имя Корана. Кто

главный враг мусульманской культуры? Главный враг мусульманский культуры — это, конечно, мусульманский террорист.

Я католик. Кто был главным врагом христианства? Главным врагом христианства был Папа Римский, который объявил крестовый поход против мусульман. Я говорю как христианин. Я считаю, что любой сицилиец, который искажает культуру, — мой враг. Я считаю, что Папа Римский, который искажает мою веру, — мой враг, ведь он искажает мою идентичность. Я думаю, что опасность так называемой преступности, опирающейся на идентичность, существует в любой культуре. Подобный пример может привести каждый из вас.

Как мы боремся с нормальными преступниками? Можно брать пример с Рудольфа Джулиани для борьбы с нормальными преступниками. Он был мэром Нью-Йорка в те же годы, когда я был мэром Палермо. Ему удалось совершенно преобразить Нью-Йорк при помощи политики «нулевой терпимости» к преступности. «Нулевая терпимость» — успешный проект, но не в Нью-Йорке в целом, а на Манхэттене. Только на Манхэттене, а не в Нью-Йорке, потому что против нормальных преступников «нулевая терпимость» не срабатывает. Против нормальных преступников хватит и полиции. Против преступности, опирающейся на идентичность, одной полиции мало, в чем я за долгие годы убедился на примере Латинской Америки — Мексики и Колумбии: в Медельине и в Боготе. Нам нужна так называемая сицилийская повозка. Знаете, что это такое? Это повозка с двумя колесами. Одно колесо — это колесо правоохранительных органов: полиция, прокуроры, тюрьмы. Другое колесо — колесо культуры. Для борьбы с преступностью, опирающейся на идентичность, нужно добиться одинаковой скорости обоих колес: если скорость правоприменения окажется выше скорости культуры, повозка не покатится вперед, она будет вертеться на месте, и все скажут, что лучшее — враг хорошего. Колесо культуры, предоставленное само себе, организует чудесный концерт сицилийской музыки в честь какого-нибудь главаря мафии. Нам надо, чтобы оба колеса катились с одинаковой скоростью.

Мы сделали в Палермо именно это. Я вспомнил выступление мэра Тель-Авива прямо перед нашей дискуссией, который говорил: «Образование, образование и еще раз образование». Когда я был мэром Палермо, то много времени посвящал детям. Меня прозвали «детским мэром», поскольку все свое время я посвящал детям — именно для того, чтобы двигалось второе колесо повозки.

Я думаю, то, что произошло в Палермо, может произойти в любом уголке мира. Я не говорю, что мы победили мафию, я говорю, что мафия не контролирует умы сицилийцев. Это большая перемена.

К. Гранвиль:

То есть мафию изгнали из умов — в этом и состоит ваш урок.

Л. Орландо:

Да, это так. Когда мафиозную систему изгоняют из умов, если позволите так выразиться, то мафиозную систему с Сицилии обнаруживают во Франкфурте.

К. Гранвиль:

Нормализация выводит преступность наружу. Большое спасибо, господин Леолука Орландо. Это было крайне увлекательно и захватывающе, и дало пищу для размышлений, к которым мы еще вернемся.

Для меня особая честь представить следующего оратора. Когда я только начинал работать в России, господин Абдулатипов был заместителем председателя того самого Съезда народных депутатов РСФСР, который под руководством Бориса Ельцина установил в России демократию. Господин Абдулатипов поделится с вами планами экономической реконструкции и стабилизации в Республике Дагестан.

Р. Абдулатипов:

Большое спасибо!

Уважаемые друзья! Конечно, мы не можем сегодня поделиться историей успеха, как наш друг из Палермо или наш друг из Ливана, потому что мы еще лишь проектируем успех, и я думаю, что наша дагестанская мафия еще превосходит сицилийскую мафию. Многие из того, о чем вы говорите, очень схоже с тем, что творилось все эти годы в Дагестане. Поэтому для нас очень актуальна проблема преодоления турбулентности. Мы приглашаем вас приехать в октябре в Дагестан на наш экономический форум, посвященный проблемам преодоления турбулентности. Нам очень важен ваш опыт. Мы с моим соседом даже договариваемся, чтобы наши города стали побратимами. Я думаю, что мафии уже давно побратались, но нам важно, чтобы жители наших городов тоже стало побратимами.

Вообще, если исходить из классической характеристики капитализма в эпоху империализма, кризисы в современном обществе чередуются, идут периодами, и полностью преодолеть кризисы невозможно. Следовательно, представители тех успешных экономик, которые сегодня заседают в других залах, в любое время могут прийти сюда, в наш зал, потому что жизнь тоже заставит их заниматься кризисными проблемами.

Турбулентность — это комплексная проблема, а не только экономическая. Совершенно правильно было сказано, что сюда включены и культура, и мировоззрение, и проблемы идентичности. Я полностью согласен с тем, что можно победить мафию: если мы действительно за это беремся, то победить мафию можно. Хотя мафия, в основном, — это продукт деятельности власти, потому что без власти или без поддержки власти мафии почти не бывает. Мафию можно преодолеть, и даже довольно быстро. Но как преодолеть извращенную идентичность самого населения?! Вот эта проблема является фундаментальной.

Есть история про то, как одного дикаря привезли в Сингапур. Ему показывали современные достижения, а потом спросили, что его больше всего удивило. Он ответил: «Меня больше всего удивило, что один человек вез так много бананов на тележке». Если в сознании заложены некие стереотипы, то войти в

сложившееся мировоззрение, ориентацию, установки — это тяжелейшая задача.

Чем мы сегодня занимаемся? Тем, что, во-первых, осознаем, на каком низком, кризисном уровне оказалось дагестанское общество, когда почти по всем показателям социально-экономического развития, производства регионального продукта на душу населения, сбора налогов, — по всем параметрам мы находимся на последних местах в Российской Федерации.

Но является ли эта проблема исключительно проблемой Дагестана? Мы создавали ее все вместе. Это значит, что федеральная власть не смогла найти эффективную модель управления регионом. Или, если перевести на простой язык, отдала управление этим регионом коррумпированной мафиозной сети, которая годами разрасталась в Республике Дагестан. Поэтому сегодня я не смогу выкарабкаться из этой ситуации без поддержки общегосударственного уровня. И такая поддержка сегодня есть — от Президента страны, от Председателя Правительства и так далее.

Второй уровень — это поддержка самого населения. Почему население, которое обманывали и развращали годами, должно вдруг мне поверить? Но нам удалось это доверие вернуть. Если прежде руководители нашего региона по уровню доверия населения занимали 80-е места в Российской Федерации, то сегодня, по последним измерениям, я нахожусь на первом месте по уровню доверия среди руководителей регионов Российской Федерации. Пока это достигнуто моими обещаниями, моим поведением, моими словами, и если не будет подтверждено конкретными делами, то турбулентное состояние вернется.

Мы прилагаем максимальные усилия для того, чтобы люди увидели свои перспективы. Необходима народная поддержка всех проектов, включая инвестиционные, нужно понимание, нужно вовлечение самого народа в процесс выхода из кризисного состояния, потому что прежде всего надо преодолеть кризис сознания, кризис мировоззрения, кризис идентичности.

Поэтому мы сейчас предлагаем Дагестану десять приоритетных проектов президента республики. Эти проекты должны быть адаптированы к конкретным условиям жизни дагестанского общества, учитывать со вниманием местные особенности и обстоятельства, чтобы люди приняли их и связали со своим будущим. Люди по своей природе хотят сказки. Я сегодня эту сказку им нарисовал. Но насколько она осуществится завтра, зависит от работы всего государства.

Я использую сейчас в Дагестане термин «демократура», потому что в процессе широкого демократического обсуждения всех этих проектов мы провели около 40 сессий с разными категориями населения, обсуждали каждый проект на всех уровнях. Но как только проекты на следующей неделе будут утверждены, ради их исполнения установится диктатура. Если этого не сделать, то результатов добиться будет невозможно.

И самое последнее: мы всегда говорим последним то, что считаем самым важным. Мы собрались на Экономический форум. Обращаясь к экономистам как философ, я предлагаю такой тезис: экономика — это далеко не всё. На примере Дагестана очевидно: если не изменить культурную среду, ничего не произойдет. Я могу построить современные предприятия, могу увеличить поступление налогов, но все это вскоре будет уничтожено, если мы не создадим культурную среду, которая воспроизводила бы современный образ жизни и одновременно сохраняла уникальные традиции Дагестана, которая воспроизводила бы успех, преодоление стереотипов и так далее, и так далее.

Наконец, самое последнее. Мы фактически отдали ислам на откуп маргинальным силам — и не только в Дагестане, а почти по всему исламскому миру. Мы забыли, что кроме ислама изначально было провозглашено «иман». Иман означает «духовность», «нравственность». Если иман не присутствует, то сам по себе ислам часто используют как экстремистскую идеологию.

Говорят, что ислам якобы выступает против других религий. Сегодня ислам используется для возбуждения экстремизма и терроризма, и это не российское изобретение, это к нам пришло извне. Но в священном Коране

написано и обращено к людям всех религий, разных течений: опережайте друг друга в добрых делах. Мне представляется, что моему соседу Орландо удалось сделать многое, потому что он начал с детей, потому что он заставил свое сообщество соревноваться не в том, у кого сколько прибыли, а в том, сколько добрых дел сделано. Я поздравляю его с успехом и надеюсь, что он поделится им с Дагестаном.

К. Гранвиль:

Большое спасибо, господин Абдулатипов. Вы описали весьма серьезные трудности — крутые горы, которые еще предстоит покорить, — но с надеждой на лучшее. Я очень рад заметить, что в Вашем выступлении прозвучали многие темы и идеи, которые мы уже слышали. Это и ощущение причастности, о котором говорил господин Синьора, которое достигается при помощи краудсорсинга, поиска консенсуса с привлечением для консультаций широких общественных кругов. Это и живо и образно описанная Вами важнейшая проблема нарушения идентичности, особенно в религии и Исламе, которую подчеркивал господин Орландо.

Теперь возвращаемся к истории мусульманской культуры. Мы отправляемся в Марокко — и послушаем господина Мохамеда Каббаджа, который был министром финансов Марокко и принимал активное участие в попытках правительства Королевства Марокко справиться с волнениями и напряженностью, которые сопровождали исторический процесс, получивший название «арабская весна». Итак, Вам слово, господин Каббадж. Спасибо.

М. Каббадж:

Среди арабских государств Марокко считается страной, которая смогла преодолеть разногласия различного типа, и я хотел бы показать, каким образом Марокко удалось противостоять межэтническим, религиозным и территориальным конфликтам. И вы, конечно, узнаете идеи, которые сегодня уже высказывались предыдущими выступающими.

Мы пережили «арабскую весну». Было множество манифестаций после тех событий, что произошли в различных арабских государствах, и мы увидели, что эти манифестации координировались движением, которое называлось «Движение 20 февраля», потому что первая манифестация состоялась как раз 20 февраля 2011 года.

Сразу же после этих манифестаций последовала реакция короля, который произнес историческую речь. В ней он признал легитимность запросов населения, которое требовало больше демократии, больше свободы, больше рабочих мест и так далее. Король пообещал принять такую новую конституцию, которая учитывала бы все эти запросы. Через несколько месяцев такая конституция была создана и принята по согласованию со всеми политическими партиями. Она позволила предоставить больше демократии, больше свободы, и действительно стала существенным шагом вперед.

Собственно говоря, это нам и позволило сдержать то движение, которое могло превратиться в то, что мы видели в Египте или Тунисе. Естественно, как и в других странах, экстремисты пытались использовать это движение для того, чтобы навязать свои идеи. В частности, экстремистски настроенные салафиты хотели создания халифата. Другие силы требовали создания новой республики.

Таким образом, эта конституция предоставила новые демократические права, новые свободы. И самое главное — она усилила власть судей, их полномочия, укрепила систему управления, углубила понятие регионализации для того, чтобы понимать, каковы потребности в автономии для некоторых регионов, например, Сахары или севера Марокко.

Также мы проделали существенную работу по обсуждению спорных вопросов между различными слоями нашего общества: между религиозными консервативными кругами и людьми, настроенными светски. Эта дискуссия и достигнутый в результате консенсус позволили учесть различные интересы. Так, например, религиозные круги хотели, чтобы в конституции были ссылки на религию. Но они сдержали это желание, поскольку существуют другие слои

общества, такие, например, как берберы, которые тоже выдвигали свои религиозные идеи. Новая конституция гарантирует народу право на труд, на здравоохранение и другие права. Во многом именно поэтому ее поддержала большая часть населения, и это позволило нам изолировать обе экстремистские силы, пытавшиеся использовать манифестационное движение.

После этого состоялись выборы, в результате которых победила исламская партия. Она завоевала около 30% мест в парламенте и смогла создать коалиционное правительство с представителями партий светского характера. Это правительство поддержало определенные тенденции развития экономики, а также некоторые социальные гарантии, которые, к сожалению, довольно тяжелым бременем ложатся на государственную казну. Речь идет о льготах, которые предоставлены бедным слоям населения. Но мы сохранили этот курс. Была сохранена и социальная программа, инициированная государством, в частности королем, для того чтобы поддержать самых бедных.

Сегодня, еще раз повторю, значительно вырос уровень общественных организаций. Все члены королевской семьи участвуют в их деятельности, и сам король возглавляет крупную организацию, занимающуюся социальными вопросами.

Кроме этого, Марокко сталкивается с региональными проблемами, с требованиями регионального свойства, потому что, в частности, и на севере, и на юге Марокко до последнего времени оставались бедные регионы. Мы создали и реализовали программу их развития. Возможно, вы слышали о программе порта Танжер, есть и некоторые другие программы. Это позволило привлечь крупные инвестиции в туристическую и даже в промышленную сферу: например, компания Renault в этом регионе построила довольно крупный автомобилестроительный завод. Кроме того, в Сахаре, которая в 1970-е годы рассматривалась как самый бедный и пустынный район Марокко, мы стали развивать программу, позволившую превратить этот район в третий по развитию во всей стране. Развитие шло по всем направлениям: и в области

образования, и в области здравоохранения, и, конечно, в области водоснабжения, поскольку это очень важная проблема для региона, расположенного в пустыне.

Почему я говорю об этом? Мы полагаем, что, когда сталкиваешься с такими ситуациями, необходимо подходить к ним комплексно. Здесь не стоит вопрос о выделении какого-то одного фактора — экономического, культурного или какого-либо еще. Здесь нужен комплексный подход, и Марокко попробовало его реализовать, основываясь на некоторых фундаментальных принципах.

Первый принцип — всегда вести переговоры, даже с самыми яростными своими оппонентами. Вести переговоры, чтобы обсуждать проблему, чтобы находить компромиссы, выявлять те решения, которые поддерживаются большинством. Именно это позволяет оставить экстремистов без поддержки, поскольку экстремисты хотят совсем не того, к чему на самом деле призывает религия. Итак, важно вырабатывать совместные решения, находить компромиссы. Кроме того, необходимо экономическое развитие, ориентированное на социальные потребности, на потребности самых бедных слоев населения.

Занимаясь образованием, мы должны помнить, что это очень важный фактор, поскольку в этой сфере существуют деформации самых главных ценностей общества. Например, деформации, связанные с религиозной сферой. Они сопряжены с совершенно извращенным толкованием религиозных текстов именно для того, чтобы завоевывать умы людей. Установление же консенсуса позволяет нам лишать почвы экстремистские тенденции.

Таковы наши подходы к кризисным ситуациям. Благодарю за внимание.

К. Гранвиль:

Я бы выбрал формат соглашения, основанный на компромиссе, создающем чувство причастности. Думаю, именно это — ключевые слова, которыми можно подытожить нашу дискуссию.

Теперь нам придется двигаться очень быстро: время немного поджимает, но пока мы не нарушили регламент, все идет успешно, и я поздравляю всех с тем, что мы умеем следить за временем. Перейдем к двум случаям, которые для меня выглядят полярными с точки зрения распределения во времени. Вьетнам — страна, у которой долгий трагический опыт жестокой войны и конфликтов на межнациональной почве, однако ее отделяет от этой войны уже целое поколение. Египет — другая страна, которая находится в эпицентре политических беспорядков, сопровождаемых спорадическими вспышками гражданского, политического и сектантского насилия. Думаю, тесное сопоставление этих двух случаев будет во многих отношениях особенно наглядным.

Я с огромным удовольствием перехожу к нашей гостье из Вьетнама Тон Ну Ти Нинь. Госпожа Нинь — президент Института международного образования и обмена Tri Viet, она поделится с нами своим опытом уроков реконструкции и улаживания конфликтов во Вьетнаме.

Тон Ну Ти Нинь:

Спасибо. Думаю, все помнят, что Вьетнам — синоним очень жестокой войны, затянувшейся на несколько десятилетий, войны, которая привела к миллионам человеческих жертв, миллионы людей разбросала по всему миру. Война породила обширную вьетнамскую диаспору, которая сейчас насчитывает свыше четырех миллионов человек. Однако я считаю, что нам есть чем поделиться с остальным миром — мы можем показать пример, как мы организовали возрождение страны, я говорю сейчас не о физическом, а о гуманитарном возрождении. Физическая сторона — совсем другая история: это было нелегко, однако, по-моему, все же легче, чем гуманитарное возрождение или, если хотите, примирение и движение в сторону восстановления нормальной жизни.

Нужно помнить, что это была война, в ходе которой северная и южная части Вьетнама были в течение десятилетий разделены идеологическими противоречиями, с обеих сторон было много жертв.

Итак, как мы организовали гуманитарное возрождение? Относительно извлеченных уроков и сильных сторон Вьетнама: наша страна сильно отличается от Германии и Йемена, которые тоже объединились, но не в результате войны. У Вьетнама долгая историческая традиция мечтаний о будущем и поисков общих интересов, у нас не принято сосредотачиваться на различиях. После окончания войны в газетах то и дело появлялись заголовки о том, что во Вьетнаме может начаться массовая резня. Никакой резни не было. Я не говорю, что не было ни одного убийства из мести, — может быть, в какой-нибудь далекой деревне кто-то взял на себя осуществление возмездия за то, что произошло в его деревне или селе, — но систематической резни не было.

Напротив, первое, о чем тогда беспокоились, это безопасность. Те из вас, кто следил за ходом вьетнамского конфликта, помнят, что через пару недель после окончания конфликта солдат и офицеров армии Сайгона перегруппировали и направили в так называемые лагеря переобучения. Мы не найдем такую вьетнамскую семью, в которой бы не было участников конфликта с обеих сторон. В любой семье были сражавшиеся на обеих сторонах. Я была на стороне Национального либерального фронта и Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам, то есть на стороне так называемых революционеров, а мой брат был в правительственной армии. В конце войны его направили в лагерь переобучения. После освобождения именно он сказал мне, что как военный прекрасно понимал, почему в конце войны возникла необходимость перегруппировать тех, кто воевал на стороне бывшей правительственной армии: это помогло избежать новой вспышки партизанского движения. Так что поначалу это делалось из соображений безопасности.

Кроме того, брат сказал мне, что если бы новое правительство отпустило на свободу большинство из них, кроме высших военных чинов, то все они поддержали бы новый режим. На самом деле получилось не так, поэтому лагеря переобучения существовали еще некоторое время, и это отчасти послужило причиной исхода из Вьетнама.

Успех был лишь относительный. Я сказала бы, что «оптовой» систематической мести не было, однако были приняты меры, которые вызвали недовольство и враждебность, поскольку не следовало заходить так далеко. В целом у нас есть настрой смотреть в будущее, а не оглядываться в прошлое.

После многих лет мы нашли практическое и мудрое обоснование того факта, что мы приняли бывшего вице-президента Сайгона генерала Нгуена Као Ки, который, как было широко известно, был ответствен за бомбардировки Ханоя, и разрешили ему вернуться во Вьетнам. Он взял с собой жену и дочь. Его жена открыла ресторан, а дочь стала очень популярной телеведущей. Именно это я и называю нормализацией. Упомянутый генерал Нгуен Као Ки — символическая фигура. Мы позволили ему вернуться и вести нормальную жизнь рядового гражданина, а его красавица-жена и красавица-дочь получают возможность заниматься бизнесом и появляться на телеэкране. Понимаете, это и есть нормализация жизни. Не будем вспоминать прошлое. Вернувшиеся к нам без оружия и соблюдающие законы пусть живут спокойно.

Третье обстоятельство, которое способствовало примирению, гуманитарному возрождению — это Азия, где так ценятся семейные узы. Семейные узы сильнее идеологии. Мой отец был феодальный чиновник, мой брат — капитан в правительственной армии, но и для меня, и для них мы прежде всего одна семья. Мы не могли достичь согласия по политическим вопросам, но все равно были очень близки — по-человечески и по-родственному.

Усилия, направленные на нормализацию жизни, на установление нормальных отношений между вьетнамцами, основаны на представлении, на понимании, что вьетнамцы, где бы они ни жили, во Вьетнаме или за границей, глубоко озабочены происходящим в стране. Общая цель у них одна: они хотят, чтобы

Вьетнам стал богаче, демократичнее, справедливее. Разумеется, у нас могут быть разные мнения по поводу того, как этого добиться, однако цель у нас одна. Поэтому все вьетнамцы — и во Вьетнаме, и за границей, в диаспоре, — очень гордились, когда Вьетнам принял меры по международной интеграции, которые реализовались во вступлении в ВТО. Все вьетнамцы независимо от политических пристрастий гордятся, что сегодня Вьетнам входит в клуб старых стран и стал полноправным членом содружества наций.

Для содействия нормализации мы поощряли воссоединение вьетнамцев, живущих в разных странах. В наши дни семьям очень просто получать деньги от родственников из Калифорнии или Австралии.

Мне бы хотелось добавить несколько слов и о наших этнических меньшинствах — поскольку я говорила о том, как мы после войны старались восстановить нормальные, теплые отношения между нашими собратьями-вьетнамцами с обеих сторон. Однако после окончания войны у нас остались некоторые трудности в отношениях между этническими меньшинствами. Не все знают, что Вьетнам — многонациональная страна. Вьеты — этническое большинство, составляющее 87% населения, помимо них у нас есть еще 53 этнических меньшинства. Если не ошибаюсь, в 2003 или 2004 году у нас были беспорядки на Центральном нагорье Тхайнгуен, где концентрированно проживают этнические меньшинства.

У беспорядков были и экономические, и религиозные причины. Экономические связаны с тем, что наблюдался кофейный бум, в результате которого бизнесмены, представители этнического большинства, массово переезжали на Центральное нагорье и скупали там земли по весьма выгодным ценам, поскольку ее владельцы, представители этнических меньшинств, не представляли себе, какова подлинная ценность земли. К тому времени плантаторы, представители этнического большинства, сильно разбогатели, а среди местных жителей, представителей этнических меньшинств, накопилось недовольство. С другой стороны, протестантские группировки вели активную миссионерскую работу среди этнических меньшинств, поэтому некоторые

представители этнических меньшинств хотели обеспечить протестантам больше свободы для отправления религиозных обрядов и так далее. Это привело к беспорядкам.

Как мы это уладили? Разумеется, когда произошли вспышки насилия, мы привлекли штатных полицейских. Столкновения были, но без особого кровопролития. С другой стороны, что мы поняли? Прежде всего, нам необходимо предотвратить дальнейший приток бизнесменов — представителей этнического большинства, которые скупали бы землю. В отношении этого болезненного политического вопроса были приняты административные меры. Свобода предпринимательства для всех на рынке привела бы к эскалации беспорядков.

Во-вторых, мы усвоили уроки времен партизанской войны, когда наши бойцы следовали принципу «трех вместе»: жить с местным населением, есть с местным населением, работать с местным населением. Из-за экономического роста после войны мы от этого отошли. Сейчас вновь зазвучали голоса на местном наречии, на диалекте этнических меньшинств, это был тревожный сигнал. Нельзя было сосредотачиваться исключительно на экономическом росте, на обогащении, нельзя было забывать, что нужно пристально следить за реалиями жизни этнических меньшинств.

Что касается религии, мы разрешили открыть больше протестантских церквей, и в результате с 2004 года все более или менее успокоилось, больше беспорядков у нас не было. Я предполагаю, что нам в очередной раз помогли комплексные меры, опиравшиеся по большей части не на применение силы, а на компромисс, на исцеление и восстановление, на понимание психологии и реалий местной жизни.

Вот некоторые уроки Вьетнама, которыми мы хотели поделиться, а насколько они ценны, судите сами. Спасибо.

К. Гранвиль:

Да, большое спасибо. Спасибо, что поделились с нами описаниями специфических кризисных ситуаций и дали рекомендации, которые мне нет нужды подытоживать: так четко Вы их сформулировали, оценив их в ретроспективе и присовокупив опыт нескольких десятилетий. Очень интересно и увлекательно слышать откровенный отчет о том, что оказалось менее целесообразным и эффективным: попытки переобучить людей иначе относиться к прошлому вместо того, чтобы смотреть в будущее.

Теперь мы перейдем к турбулентности в настоящий момент. Следующий выступающий — доктор Мона Макрам-Эбейд, активный деятель бурной политической арены Египта, страны, которая, я уверен, имеет полное право заявлять: как и Вьетнам, ее объединяет общий патриотический дух, однако у нее и масса трудностей. Итак, Вам слово.

М. Макрам-Эбейд:

Спасибо, господин Гранвиль. Я хочу рассказать о стране, которая переживает самую турбулентную фазу своей истории, и, разумеется, расскажу вам о мерах, которые не приводят к успеху. Как говорил господин Гранвиль, мы должны говорить о мерах, которые привели к успеху, однако сейчас мы пробуем различные подходы, которые к успеху не приводят.

Альберт Эйнштейн когда-то сказал, что если бы у него был всего час на поиск решения, от которого зависела бы его жизнь, он бы 55 минут посвятил формулировке задачи. Разобравшись, как задать правильный вопрос, он сумел бы решить задачу за оставшееся время. Я, конечно, не стану тратить 55 минут на формулировку проблемы, но постараюсь меньше чем за 10 минут дать вам общее представление о том, что это такое, когда во главе самого могущественного и густонаселенного арабского государства — Египта — стоит исламистское правительство.

Без ответа остается главный вопрос: превратится ли Египет в теократию вроде Ирана или Саудовской Аравии или он разовьется в современное светское демократическое государство? Как сказал мэр Палермо, мы сегодня

сталкиваемся с атакой на египетскую идентичность. Это борьба за дух Египта. 30 июня исполнится год с того дня, когда Мухаммед Мурси стал президентом Египта. На этот день намечены общенациональные демонстрации протеста против того, что правление Мурси становится все более авторитарным, против роли, которую движение «Братья-мусульмане» играет в Египте после событий на площади Тахрир.

Организация, которая руководит событиями 30 июня, называется «Тамарод». «Тамарод» означает «восстание». Люди восстают против нынешнего режима и всего, что он сделал после революции. В основном протесты инициирует молодежь. Я хочу в очередной раз подчеркнуть роль, которую молодые люди сегодня играют в странах, прошедших через так называемую «арабскую весну», больше похожую на арабскую зиму: сегодня молодежь — главная движущая сила общества.

Молодежь останется на виду независимо от того, добивается успеха это движение или затухает. Однако первые успехи движения — они набрали на данный момент 13 миллионов подписей — отражают, что у правительства Мурси очень серьезные трудности.

Единственное, что можно утверждать наверняка, — Египет и дальше будет удивлять и Запад, и самого себя. Теперь обратимся к главной теме моего выступления: можно ли решить экономические проблемы страны при помощи установки Международного валютного фонда на строгую экономию? Я в это не верю, для меня это один из примеров неверного подхода.

В апреле в Каир прибыла техническая делегация из МВФ на новый раунд переговоров о кредите в 4,8 миллиарда долларов США. Социально-экономическая и политическая обстановка в Египте заметно ухудшилась по сравнению с той, которую наблюдала команда МВФ в ноябре прошлого года. За прошедшие семь месяцев финансовые потребности Египта обострились, а пошатнувшаяся экономика еще больше ослабела. Переходная политика в стране еще сильнее поляризовалась и запуталась, у подавляющего

большинства населения еще отчетливее проявляется ощущение отчаяния и безнадежности.

В этих трудных условиях правительство не могло полностью провести ту экономическую реформу, которую предлагал МВФ, и предложило план более умеренной экономии в надежде, что МВФ удастся на него уговорить. МВФ не согласился. Текущие переговоры, скорее всего, будут вращаться в основном вокруг двух тем: оценки Фондом нынешней египетской экономической программы и предложения выделить Египту краткосрочный экстренный кредит на сумму 750 миллионов долларов США, от которого правительство отказалось.

Более насущный вопрос состоит вот в чем: если программа строгой экономии, которую поддерживает МВФ, не способна достичь заявленной цели — макроэкономической стабильности, — не ввергнет ли она Египет в еще больший хаос?

В широком смысле проблему фискального баланса страны можно уладить при помощи мер строгой экономии или высоких темпов экономического роста. Как вы знаете, в последние месяцы эти меры обсуждались по всей Европе, особенно в контексте кризисных стран с периферии еврозоны. Не секрет, что МВФ приветствует политику строгой экономии. Однако случай Египта совсем иной.

Двухлетней давности экономический кризис в стране был политическим, а не только экономическим. Стоит лишь вспомнить, что в последние шесть лет правления Мубарака в Египте наблюдался высокий уровень экономического роста, страна считалась любимицей иностранных инвесторов и ее постоянно относили к группе развивающихся рынков. Конечно, у нас были серьезные трудности в области социальной справедливости, распределения доходов — экономический рост был по большей части основан на доходах от недвижимости, которые распределялись крайне неравномерно, в основном стекались к привилегированному сегменту населения, имеющему политические связи, в ущерб обнищавшему большинству. Однако

справедливо и другое: этого роста достигли в рамках авторитарного, коррумпированного, деспотического режима, что и привело впоследствии к его краху.

После революции наступил переходный период с постоянным нарастанием турбулентности среди последствий которого: экономический спад, масштабные народные волнения, межрелигиозное насилие экстремистов-исламистов над христианским населением, которое в Египте насчитывает около 15 миллионов человек, падение уровня внутренней безопасности и защищенности, по показателям которых в последнее время Египет оказался в рейтингах даже ниже Пакистана, Чада и Йемена. Может ли план реформ, основанный на строгой экономии, при таких условиях привести к успеху и направить египетскую экономику на путь жизнеспособности и устойчивости? Если на политическом фронте и в области безопасности ничего не изменится, достаточно ли будет одного только кредита МВФ, чтобы международные финансовые рынки решили, что это обнадеживающий сигнал, и снова направили в Египет иностранные инвестиции или даже поощряли развитие государственного сектора? Есть серьезные основания сомневаться в этом.

Поскольку МВФ в основном сосредоточился на экономической стороне нынешнего кризиса, недостаточно интересуется его политическими корнями, то сделка с Фондом, скорее всего, будет чревата опасностью и для экономической, и для политической стабильности, следовательно, по всей вероятности, лишь столкнет страну еще глубже в бездну.

После революции уровни инфляции, бедности и безработицы в Египте угрожающе растут — в основном из-за продолжающегося внутреннего политического кризиса, который, похоже, поставил экономику на колени. Зачем же подливать масла в огонь? Это не довод против того, что Египет нуждается в экономической реформе, — это довод против того, что сейчас подходящее время и подходящий контекст для подобных реформ: и то, и другое отнюдь не сулят ничего хорошего.

Разумеется, я не буду долго распространяться о переломном моменте. И так ясно: Египет стремительно приближается к переломному моменту. Вы об этом наверняка читали. В этих условиях испытывающий финансовые трудности Египет отчаянно нуждается в кредите МВФ наряду с международной финансовой поддержкой, которая может за ним последовать — да, это намек вам, — чтобы совладать со стремительно растущим фискальным дефицитом и ухудшающимся внешнеполитическим положением, однако на условиях, радикально отличающихся от тех, которые предлагает и рекомендует МВФ.

В частности, вместо продвижения программы жесткой экономии, у которой практически нет шансов на успех при подобных политических беспорядках и реальном риске полного провала внутренней безопасности, МВФ и международное сообщество должны способствовать достижению наших целей: более консолидированного правительства, делегирующего власть; переходного процесса примирения в политике, который восстановит стабильность, даст стране уверенность в настоящем и подарит надежду на будущее.

Международное давление необходимо именно в этих точках. Для восстановления роста египетской экономики нужно привлечь три основные действующие силы: частный сектор, правительство и, наконец, организации гражданского общества и политических активистов с одной главной целью — наладить процесс установления доверия между этими тремя силами, поскольку сейчас доверия нет. Неспособность достичь национального консенсуса по вопросу о том, как продвинуться на экономической арене, серьезно подорвет незрелую египетскую демократию, а это послужит лишь на руку силам радикального исламского экстремизма.

Правда в том, что любая фракция — молодежь, армия, «Братья-мусульмане», — которая думает, что сможет править Египтом, цивилизацией, насчитывающей 70 000 лет, и вытеснить остальных, сама себя обманывает. В Сирии, Йемене, Ираке и Ливии ситуация та же. Поскольку Египет оказался в настолько глубокой пропасти, а необходимые реформы чрезвычайно

болезненны, провести их удастся, только если все разделят ответственность: все, как сказал господин Синьора, будут причастны к преобразованиям, войдут в единую национальную коалицию.

В этом отношении египтяне остро нуждаются в мирном процессе, причем не с Израилем, а друг с другом. «Цели развития тысячелетия», срок достижения которых истекает в 2015 году, привели к успеху: для решения ряда вопросов, связанных с бедностью, были грамотно задействованы международные ресурсы и фонды. Стимуляция экономического развития как эффективная реакция на острые проблемы, с которыми сталкиваются кризисные территории, должна сделать еще один шаг вперед. От этого зависит много человеческих жизней — как от мысленного эксперимента Эйнштейна. Спасибо за внимание.

К. Гранвиль:

Большое спасибо, доктор Макрам-Эбейд. Итак, мы выслушали от господина Абдулатипова весьма трезвую оценку ситуации в том регионе России, за который он сейчас отвечает, — и такой же весьма трезвый отчет дали нам Вы. Словосочетание «глубокая пропасть» бросается в глаза в вашем обзоре, однако в нем присутствует и очень позитивный призыв к примирению и объединению.

Я отнюдь не поклонник МВФ, но давний опыт анализа экономической политики научил меня, что и МВФ, и другие международные финансовые учреждения всегда настаивали на том, чтобы сама страна и ее народ чувствовали причастность к проведению той или иной программы реформ, а в данный момент, очевидно, этого чувства недостает.

Дамы и господа, мы практически исчерпали официально отведенное нам время, но не совсем, поскольку начали с небольшим опозданием по не зависящим от нас причинам. Я совершенно уверен, что вы не будете спешить на обед, пока мы не выслушаем нашего последнего оратора и, возможно, не поучаствуем в небольшой дискуссии. Последний докладчик избавит меня от

обязанности председателя подвести итоги и кратко перечислить те весьма конкретные идеи и рекомендации, которые можно почерпнуть из наших обсуждений. Он сделает все за меня, используя свои познания ученого и комментатора — в основном по проблемам арабского мира. Профессор Жиль Кепель из Института политических наук в Париже; сегодня он будет последним докладчиком. Вам слово, профессор Кепель.

Ж. Кепель:

Спасибо, господин Гранвиль. У Эйнштейна был час на формулировку задачи и пять минут на поиск решения. У меня минус пять минут, и я не Эйнштейн! Не могу не отметить, что англо-французский антагонизм укоренился очень глубоко: вот и сейчас Вы решили свалить на меня свою работу, а это, конечно, неподъемная задача.

В любом случае, попытаюсь подытожить, если не слишком упростить, некоторые основные положения, которые были здесь высказаны, чтобы хотя бы приблизительно найти конструктивные ответы на вопросы кризисных территорий; главная трудность в том, чтобы они были конструктивными. Выслушав все доклады, я пришел к убеждению: как уже подчеркнула доктор Макрам-Эбейд, выступавшая непосредственно передо мной, сквозь все ситуации при всем их различии красной нитью проходит вопрос утраты чувства причастности, будь то борьба с сицилийской мафией, с сочетанием мафии и экстремизма в Дагестане или с крахом государственной власти в Ливане и Египте. Утрата чувства причастности и его обретение — это, похоже, одна из тем, которые здесь поднимались.

Другая тема, также прозвучавшая у большинства докладчиков, — это тема идентичности, однако я не уверен, что под этим словом все имели в виду одно и то же: создание идентичности или обращение к идентичности как своего рода суррогат построения гражданственности. Это, по-моему, одна из самых главных задач — причем задача, на которую пролили свет превратности арабских революций и их неожиданные результаты.

Скажем, если вернуться к выступлению премьер-министра Синьоры, в числе прочего бросилось в глаза подчеркнутая им опасность возврата к разобщенности для Ливана и попытки преодоления этой разобщенности во время пребывания на посту премьер-министра. Однако теперь мы и в Ливане, и в соседней Сирии, положение в которой, разумеется, очень важно и для настоящего, и для будущего Ливана, наблюдаем своего рода возврат к разобщенности.

Политика идентичности, эксплуатируемая радикальными экстремистскими группировками, которую мы у вас видим: в Сирии, в Северном Ливане, в Египте, в ряде других стран, занимает место политики гражданственности, которая не способна проявиться на ее фоне. Это один из важнейших вопросов: как выстроить политику идентичности, которая опиралась бы не на принцип исключения, а на принцип включения.

Политика идентичности — политический ресурс недемократических систем: приходится иметь дело с авторитетами в ситуациях наподобие мафиозной либо с лидерами общин. Этим лидерам мы вынуждены доверять судьбы групп населения, воспринимаемых не как группы граждан, а как объединения, которые лидеры могут перемещать и которыми могут манипулировать, а между тем этих лидеров никто не выбирал — они получили власть из-за слишком высоко ценимого чувства принадлежности.

Вернемся к идее, что один из главных вопросов — это утрата чувства причастности, чувства, что ты властен над своим настоящим и будущим. Если у людей нет доступа к работе, они не в состоянии преобразовать свою идентичность посредством того, что они делают. В такой ситуации люди склонны цепляться за чувство, что они представляют собой то, чем должны быть, чтобы определять собственную идентичность, сопротивляться переменам или контролировать зоны, которые защитят их маленькую группу перед лицом перемен. Это, конечно, одна из самых главных опасностей и трудностей, с которыми сейчас столкнулся Ближний Восток и арабские

революционные движения: мы наблюдаем столкновение множества соперничающих идентичностей.

Именно об этом и говорила только что доктор Макрам-Эбейд: Египет — государство, где уже много тысяч лет необычайно сильна национальная идентичность. Эта страна чуть ли не впервые в истории столкнулась с расколом в пределах собственного общества. Это не только раскол между правителями и подданными (в сущности, так бывает почти всегда), но и раскол в самом обществе: между мусульманами и христианами, христианами и мусульманами, салафитами и «Братьями-мусульманами», гражданским обществом и религиозными группировками и так далее.

Я уверен, что кризисные территории не найдут выхода из этого положения, если не выстроят гражданское общество — гражданское общество, которое будет обладать глобальной идентичностью. Построить такое общество невозможно без роста, и об этом упоминали многие из вас, однако этот рост должен идти параллельно с инвестициями в образование и в общество, в социальные вопросы — примерно это и подчеркивала доктор Макрам-Эбейд, когда напомнила нам, что при Мубараке Египет был любимчиком инвесторов. Тогда там наблюдался рост, однако не делалось никаких значительных инвестиций в социальные вопросы, в образование на глобальном уровне, что и привело к краху и свержению прежнего режима.

Вот это, полагаю, и есть один из главных вопросов, который мы можем вычлени из докладов — столь красноречивых и контрастных, — и я надеюсь, что сделал Вашу работу (французам всегда приходится работать на британцев!) и теперь можно перейти к воодушевляющему этапу вопросов и ответов. Спасибо.

К. Гранвиль:

Спасибо, доктор Кепель, самое настоящее британское спасибо.

Дамы и господа, мы засиделись куда позже официально отведенного нам времени, и я полагаю, что мой официальный долг — поблагодарить всех наших участников и свернуть дискуссию. Я предлагаю каждому, кто хочет или должен уйти, уйти безо всякого смущения, однако если кто-то хочет задать вопрос, сделать замечание или высказать какое-нибудь наблюдение по поводу прозвучавшего здесь, не стесняйтесь.

В зале есть микрофоны; вы услышали столько интересного, я не могу поверить, что ни у кого не нашлось вопросов.

Мне кажется, верх взяла насущная потребность пообедать. Поскольку профессор Кепель взял на себя обязанность подытожить открытия и рекомендации, прозвучавшие на нашей дискуссии, мне действительно ничего не остается, кроме как поблагодарить от вашего имени всех наших участников, которые во многих случаях проделали очень долгий путь, чтобы побыть с нами. Большое вам спасибо.